

Овальный портрет (По/В.И.Т.)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

Овальный портрет

автор [Эдгар Аллан По \(1809-1849\)](#)., пер. [В. И. Т.](#)

Язык оригинала: английский. Название в оригинале: [The Oval Portrait](#), 1842. — Источник: Художественная библиотека. [Эдгар По](#). Вильям Вильсон. Овальный портрет. Перевод В. И. Т. Типография Спб. Т-ва «Труд». Фонтанка, 86. 1909

Википроектъ: [Википедия](#)

ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Egli è vivo e parlerebbe se non osservasse la rigola del silenzio^[1].

Этиграф под изображением Св. Бруно.

Лихорадка, которую я заболел, была продолжительна и не поддавалась лечению; все средства, какими можно было воспользоваться в дикой гористой местности Апеннин, были исчерпаны, не доставив мне никакого облегчения. Мой слуга и единственный спутник не решался вследствие боязни и неумения пустить мне кровь, которой я, впрочем, много потерял в столкновении с разбойниками. Точно также я не мог решиться отпустить его в поиски за помощью. Но к счастью, я совершенно неожиданно вспомнил о пачке опиума, находившейся вместе с табаком в деревянном ящике: — еще в Константинополе я приобрел привычку курить такую смесь. Приказав Педро подать мне ящик, я разыскал это наркотическое средство. Но когда нужно было взять определенную дозу его, — мною овладела нерешительность. Для куренья было безразлично количество употребляемого опиума, и я обыкновенно брал половина на половину того и другого и перемешивал все вместе. Курение этой смеси иногда не производило на меня никакого действия, иногда же мною наблюдались такие симптомы нервного расстройства, которые являлись для меня предостережением. Конечно, опиум при небольшой ошибке в дозировании не мог представлять никакой опасности. Но в данном случае дело обстояло иначе, так как мне никогда не приходилось пользоваться опиумом, как внутренним средством. Хотя мне и приходилось принимать внутрь лауданум и морфий, но я никогда не употреблял опиума в чистом виде. Конечно, Педро в этом вопросе был также несведущ, как и я, и таким образом, я не знал, на что решиться. Но, пораздумав немного, я решил начать с минимального приема и постепенно увеличивать дозу. Если первый прием не произведет никакого действия, думал я, то его придется повторять до тех пор, пока не понизится температура, или пока не наступит желанный сон, который был для меня необходим, так как я страдал бессонницею уже целую неделю и находился в каком-то странном состоянии полудремоты, похожем на опьянение. Вероятно, мое затемненное сознание и было причиной бессвязности моих мыслей, вследствие которой я, не имея никаких данных для сравнения, стал рассуждать о возможных для приема дозах опиума, в то время я никак не мог ориентироваться в масштабе и та доза опиума, которая мне казалась очень маленькой, на самом деле могла быть очень большой. А между тем я отлично помню, что я точно и хладнокровно определил дозу опиума, по сравнению со всем количеством имевшегося на лицо наркотика и, бесстрашно проглотил ее, что я мог сделать с спокойным сердцем так как она была незначительною долею всего количества, находившегося в моем распоряжении.

Замок, в который мой слуга решил лучше проникнуть силой, чем дозволить мне, тяжело раненому, провести ночь на дворе представлял собой одно из тех величественных и мрачных строений, которые с давних пор гордо возвышаются среди Апеннин, как в действительности, так и в фантазии мистрисс Радклифф. По-видимому, он был недавно временно покинут своими обитателями. Мы поместились в одной из самых небольших и не очень роскошно меблированных комнат, находившейся в отдаленной башне здания. Ее богатое убранство старинного стиля приходило в разрушение. Стены были обиты коврами и украшены многочисленными геральдическими трофеями различной формы, также как и огромным количеством новых, стильных картин в богатых золоченых рамах с арабесками. Я страшно заинтересовался (может быть, причиной этого был начинавшийся бред), этими картинами, украшавшими не только главные стены, но и целую массу закоулков, явившихся неизбежным результатом причудливой архитектуры замка. Этот интерес был настолько силен, что я приказал Педро закрыть тяжелые ставни в комнате, так как уже наступала ночь, зажечь большой канделябр в несколько рожков, стоявший у моего изголовья и отдернуть черный бархатный полог с бахромой.

Я желал этого с тою целью, чтобы в случае бессонницы развлекать себя поочередно рассматриванием этих картин и чтением небольшого томика, найденного мною на подушке и заключавшего в себе их описание и критику. Я читал очень долго и тщательно, и благоговейно рассматривал картины. Время летело быстро, и наступила ночь. Мне не нравилось положение канделябра, и я с трудом протянул сам руку, чтобы не беспокоить заснувшего слугу и переставил канделябр таким образом, чтобы свет падал прямо на мою книгу.

Но передвижение его дало совершенно неожиданный результат. Свет многочисленных свечей канделябра при его новом

положении упал на одну из ниш комнаты, которая, вследствие падавшей на нее тени от одной из колонн кровати, находилась во мраке. И тогда при ярком освещении я заметил картину, которой раньше не видел. Это был портрет вполне развитой молодой девушки, может быть даже женщины. Окинув картину быстрым взглядом, я закрыл глаза. Почему я так сделал, — я не мог дать себе отчета в первую минуту. Но пока я лежал с закрытыми глазами, я старался поспешно проанализировать причину, заставившую меня поступить таким образом и пришел к заключению, что это было бессознательное движение с целью выиграть время, решить что мое зрение не обмануло меня — и успокоить, и приготовить себя к более холодному и точному созерцанию. По прошествии нескольких минут, я снова стал рассматривать пристально картину. Если бы даже я хотел, я не мог сомневаться в том, что ясно вижу ее, так как первые лучи света канделябра, упавшие на эту картину, рассеяли дремотную апатию моих чувств и вернули меня к действительности.

Как я уже сказал, это был портрет молодой девушки. На портрете была изображена ее голова, плечи в том стиле, который носит техническое название стиля виньетки: живопись напоминала манеру Сюлли в его излюбленных головках. Руки, грудь и даже ореол, обрамлявших головку волос, незаметно расплывались на неопределенной глубокой тени, служившей фоном. Рамка была овальной формы, великолепной позолоты, с узорами в мавританском стиле. С точки зрения чистого искусства живопись была восхитительна. Но весьма возможно, что сильное внезапное впечатление, произведенное на меня этой картиной, не зависело ни от художественности исполнения, ни от красоты лица. Еще менее я мог допустить, что я в состоянии полудремоты мог принять эту голову за голову живой женщины. Я сразу различил подробности рисунка, а стиль виньетки и вид рамки немедленно рассеяли бы эту фантазию и предохранили бы меня от возможности даже мимолетной иллюзии на этот счет. Устремив глаза на портрет и приняв полулежачее-полусидячее положение я, может быть, целый час решал эту загадку. В конце концов, по-видимому, разгадав ее, я снова опустился на подушки. Я пришел к заключению, что все очарование этой картины заключалось в жизненном выражении, исключительно присущем только живым существам, которое сначала заставило меня содрогнуться, затем смутило, покорило и ужаснуло. С чувством глубокого и благоговейного ужаса я поставил канделябр на прежнее место. Изъяв, таким образом, из сферы моего зрения предмет, бывший причиной моего сильного волнения, я поспешно взял томик, заключающий в себе критику картин и их историю. Под номером, обозначающим овальный портрет, я прочел следующий странный и загадочный рассказ:

"Это портрет молодой девушки редкой красоты, наделенной от природы в такой же мере приветливостью, как и веселостью. Да будет проклят тот час ее жизни, когда она полюбила и вышла замуж за художника. Он был страстный суровый труженик, отдавший все силы своей души и сердца искусству; она молодая девушка редкой красоты, в такой же мере приветливая, как веселая; она вся была свет и радость; шаловливая как молодая газель, она любила и миловала все, что окружало ее, ненавидела только искусство, бывшее ее врагом и боялась только палитры, кистей и других несносных инструментов, отнимавших у нее ее возлюбленного.

"Когда она узнала, что художник хочет писать с нее портрет, она была охвачена непреодолимым ужасом. Но, будучи кроткой и послушной, она покорилась своей участи и покорно просиживала целые недели в темной и высокой комнате башни, где только полотно освещалось бледным светом, падавшим с потолка. Художник в поисках славы, которую должна была создать ему эта картина, неустанно работал над ней целыми часами, изо дня в день; страстный работник, несколько странный и задумчивый, погруженный в свои мечты, он не хотел замечать, что мрачное освещение этой башни подрывало здоровье и хорошее расположение духа его жены, которая хирела с каждым днем, что было ясно для всех, за исключением его. Между тем она продолжала улыбаться и не жаловалась ни на что, потому что она видела, что художнику, (пользовавшемуся большою известностью) картина доставляла огромное и жгучее наслаждение и он работал день и ночь, чтобы изобразить на полотне черты той, которая его так горячо любила, но которая с каждым днем слабела и теряла силы. И, действительно, все видевшие портрет шепотом говорили о его сходстве с оригиналом, как о замечательном чуде и как веском доказательстве таланта художника и его могучей любви к той, которую он так превосходно воспроизвел в своей картине. Но с течением времени, когда работа уже стала близиться к концу, доступ посторонних лиц в башню был прекращен; художник как будто совсем обезумел в пылу своей работы и почти не отводил глаз от полотна, хотя бы для того, чтобы бросить взгляд на оригинал. И он не хотел видеть, что краска, которую он клал на полотно, была взята с лица сидевшей вблизи него жены. И когда протекло много недель и оставалось только прибавить черточку около рта и блик в глазу, дыханье жизни в молодой женщине трепетало еще, как пламя в горелке угасающей лампы. И вот черточка была нанесена на полотно, блик был брошен, и художник продолжал стоять в экстазе перед оконченным трудом; но спустя минуту, продолжая рассматривать портрет, он вдруг задрожал, побледнел и ужаснулся. Воскликнув громовым голосом: — «Действительно, это сама жизнь!», он вдруг обернулся, чтобы посмотреть на свою возлюбленную супругу. — Она была мертва!

1. ↑ Он жив и заговорил бы, если бы не соблюдал обета молчания. (Прим. перев.)